

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Александр I

<Фрагмент>

<...> В 1812 г. Лезюр, чиновник французского министерства иностранных дел, выпустил в свет второе издание своей книги «О развитии могущества России от ее возникновения до начала XIX в.», а в издании этом привел, в дополнение к аргументам первого издания — 1807 г. — новое доказательство, что существует чудовищный план порабощения Европы Россией, намеченный Петром Великим и систематично выполняемый его преемниками. Лезюр извлек это доказательство из записки, представленной в 1797 г. французской Директории польским полковником Михалом Сокольниковым, под заглавием «Взгляд на Россию». Тут приведено обстоятельное «резюме плана расширения России и порабощения Европы, начертанного Петром I». Сокольниковый пояснял, что этот план раскрыт ему изучением России и сведениями почерпнутыми из варшавских архивов в 1794 г. Лезюр уже утверждал, что такой «документ» — «завещание» Петра — «существует в особых архивах Российской империи», а позднее, в 1836 г., Гальарда (сотрудник Александра Дюма) опубликует это завещание с началом: «В имя пресвятой и нераздельной Троицы, мы, Петр, император и самодержец всей России...» и т. д. Впрочем, и Сокольниковый, по-видимому, использовал мысль, которая была в ходу среди дипломатов конца XVIII в.: австрийский посол при дворе Екатерины, Кобенцль, упоминал в своих депешах 1796 г. о политическом завещании Петра.

В этом любопытном изложении заветы Петра его преемникам по управлению империей так представлены: усилить Россию насаждением в ней европейской культуры и развитием ее боевой силы в ряде непрерывных войн; расширить ее территорию вдоль Балтийского побережья и на юг, к Черноморью; подготовить покорение Швеции, поддерживая против нее Англию, Данию и Бранденбург, и завоевать ее;

развить русскую армию и захватить Константинополь, привлекая Австрию к изгнанию турок из Европы; поддержкой в Польше анархии подготовить ее расчленение; держаться тесного союза с Англией, предоставляя ей широкие, хотя бы монопольные, торговые выгоды, чтобы развить русский флот, по образцу английского, для господства на Балтийском и Черном морях; вмешиваться во все внутренние раздоры Европы, особенно Германии, для ее ослабления и усиления русского влияния на Западе; возбуждать против Австрии германских князей, подчиняя их своему влиянию путем брачных союзов с германскими владетельными домами; покровительствовать православному населению Польши, Турции и Венгрии, чтобы, по разрушении первых двух, покорить и третью, предоставив за нее Австрии вознаграждение в Германии; и, наконец, «нанести великий удар», т. е., начав с раздела власти над Европой то с Францией, то с Австрией, вызвать смертельную борьбу между этими странами, поддержать Австрию, чтобы продвинуть свои войска на Рейн, а в тылу их подготовить нашествие «азиатских орд» морем из Азова и Архангельска для порабощения всей Западной Европы — и Франции, и Испании, и Италии...

Мысль о русской опасности для западноевропейского мира пользовалась большим успехом в европейской дипломатии и публицистике первой половины XIX в. И в эпоху Венского конгресса английские дипломаты высказывались против перехода Варшавского герцогства под власть Александра, потому что опасно усиливать Россию: ее замысел — расширяться по Зунд и Дарданеллы, превратить и Балтийское и Черное моря во внутренние моря своих имперских владений. Англичане предпочли бы видеть Польшу независимым государством, промежуточным («буферным», как нынче говорят) между тремя великими монархиями — Россией, Австрией и Пруссией, — или отдать ее Пруссии, лишь бы не увеличивать русской империи.

Англичане усматривали опасное проявление русского империализма в инициативе, какую взяло на себя русское правительство по вопросу о защите морской торговли от чрезмерного ее утеснения в периоды войн между морскими державами.

Вооруженный нейтралитет, организованный Екатериной II в 1780 г., был признан в Англии попыткой «подорвать самую основу морского могущества Англии»; восстановление Павлом союза нейтральных держав для охраны их торговли от каперства держав воюющих было направлено против деспотического господства Англии на морях. Прекратив войну с Англией тотчас по вступлении на престол, Александр в июне 1801 г. подписал конвенцию, в которой — отречение России от начал вооруженного нейтралитета. Однако вопрос этот остался острым пунктом разногласий между русским

и английскими правительствами, даже в период англо-русского союза, в годы коалиции против Наполеона, войны с ним, которую Александр вел на английскую субсидию. Крайняя зависимость русской торговли и промышленности от Англии тяготила, как и решительное хозяйничанье английских каперов в Черном и Балтийском морях. Русское правительство настаивало на признании этих морей закрытыми и для английских военных судов и корсаров, на снятии блокады даже с устьев Эльбы, ввиду важности для России торговли с Гамбургом, а захват англичанами Копенгагенского порта — ключа к Балтийскому морю — вызвал в Петербурге большое раздражение. В годы союза, 1805–1807-й, русское правительство заявляет протесты против насилий английских каперов над русскими коммерческими судами, а в обмене мнениями об условиях будущего общего мира поднимает вопрос о частичном хотя бы пересмотре принципов «морского кодекса» как существенного элемента международного права, тему, которую англичане упорно устраняют из программы будущих переговоров на мирном конгрессе. На суше империя традиционно стремилась к полному господству в Восточной Европе, обеспеченному с Запада возможно выгодной военной границей, какой представлялась «граница по Висле», а в предельных мечтах русской дипломатии — прямая линия от Данцига на Торн и Краков.

Опасение русского засилья в европейских делах — яркая черта всей европейской политики первой половины XIX в., нашедшая такое крайнее выражение в «тестamente» Петра Великого, этом польско-французском памфлете против «северного колосса».

Но для Англии это опасение, на котором сходились правительство с оппозицией, было лишь одним из проявлений стародавней и постоянной заботы о том, как бы континентальная Европа не объединилась в прочной политической организации под гегемонией одной из великих держав. Испанию XVI в., королевскую Францию XVIII в. сменила в начале XIX в. великая империя Наполеона. Напрягая все силы и средства в борьбе против этого нового призрака мировой монархии, «владычица морей» защищала свое мировое экономическое господство, расширяла его колониальную базу и настойчиво поднимала против Франции одну коалицию за другой. Франция, чьи национальные силы, возбужденные революцией, искали выхода в мощном расширении своего господства, в империалистическом порыве, создавшем своего героя, была, в данный момент, наиболее опасным врагом. Однако руководители английской политики, обсуждая желательный исход многолетней борьбы, предусмотрительно отстраняли всякие политические проекты, осуществление которых могло заложить основу для смены французского преобладания ка-

кой-либо иной общеевропейской гегемонией: поддерживали своими внушениями взаимное недоверие континентальных держав, то пугая соседей России перспективой чрезмерного роста ее силы, то возражая в Петербурге против берлинских планов подчинения германского союза главенству Пруссии.

А между тем Европа переживала огромный кризис, который, казалось, должен привести к коренной ломке всех исторически сложившихся государственных единиц, на которые она поделена. Подобно тому как революционная перестройка гражданских отношений внутренне перестроила Францию, глубже ее объединила в единую мощную нацию, революционная идеология представляла себе всю Европу освобожденной от государственных границ старого режима и его правительств, объединенной в «братстве народов», обновивших свою внутреннюю жизнь на тех же принципах равенства и свободы не только в гражданском быту отдельных стран, но и в международных отношениях. Подъем экономических сил к развитию, освобожденному от последних пут феодального режима, должен был, по смыслу этих идеалов, охватить весь континент Европы, сокрушая международные границы для широкого, свободного общения и обмена народов плодами их труда и культуры. На деле космополитические порывы Великой французской революции быстро исказились в росте французского национализма, революционные войны выродились в ряд завоеваний, «братство народов» — в подчинение завоеванных стран французскому господству с тяжелой их эксплуатацией для усиления расстроенных финансов Франции и для ее торгово-промышленного преобладания.

На смену революционной Франции пришла Франция Директории, Консульства и Империи с ее безудержным и хищным империализмом. Однако великое революционное дело было сделано. Открыты были пути к обновлению всех общественных отношений на началах свободы и гражданского равенства, а пример французского национального движения и гнет французского господства выковали стремление отдельных наций к политическому самоопределению. На очереди стояла задача международного мира и новой организации Европы. Путь к ее решению шел через преодоление наполеоновской утопии — мировой монархии императора французов.

Задачу «умиротворения Европы» Александр унаследовал от отца. Но Павел мечтал о восстановлении традиционных основ старого порядка, монархического и феодального, пытался объединить против революции реакционные силы аристократической и католической Европы; гроссмейстер Мальтийского ордена, он — покровитель иезуитов и эмигрантов, всех роялистов и церковников старого мира;

на первых порах он легко сошелся в этих планах с Австрией, хранилищем средневековых традиций, и Англией, которая тратила большие усилия и средства на поддержку роялистских и аристократических контрреволюционных смут в недрах самой Франции. Только вражда к деспотизму морского могущества Англии, отказ обслуживать русскими силами корыстные цели английской политики и завоевательные стремления австрийцев в Италии привели Павла к разрыву с коалицией и даже к союзу с Наполеоном, когда тот стал на путь военно-полицейского цезаризма и предложил Павлу раздел власти над миром ради водворения общего «успокоения и порядка».

Александр сразу иначе поставил основания этой международной задачи. Он не мог обосновывать свою политику реакционными феодально-монархическими и клерикальными принципами. Он видел силу Франции в освобождении масс к гражданской свободе от крепостничества, от цеховой связанности ремесла, от пут старого режима вообще. Борьба с ней не должна быть служением реакции. В первом приступе к серьезным переговорам с Англией о задачах антифранцузской коалиции, в инструкции Новосильцеву, отправленному с чрезвычайной миссией в Лондон, Александр — в 1804 г. — так рассуждает: «Наиболее могущественное оружие, каким до сих пор пользовались французы и которым они еще угрожают всем странам, это — общее мнение, которое они сумели распространить, что их дело — дело свободы и благоденствия народов. Было бы постыдно для человечества, чтобы такое прекрасное дело пришлось рассматривать как задачу правительства, ни в каком отношении не заслуживающего быть его поборником. Благо человечества, истинная польза законных властей и успех предприятия, намеченного обеими державами, требуют, чтобы они вырвали у французов это столь опасное оружие и, усвоив его себе, воспользовались им против них же самих». Необходимо поэтому согласиться с Англией на отказе от мысли «повернуть человечество назад», т. е. от намерения восстановить в странах, освобождаемых от власти Наполеона, старые злоупотребления и тот порядок, от которого народ отвык, воспользовавшись освобождением и лучшей гарантией своих прав. Напротив, задачей держав должно быть — обеспечить за населением эти достижения и всюду устанавливать такой правительственный порядок, который был бы основан на особенностях данной страны и воле ее населения; в частности, и французам надо внушить, что война ведется коалицией не против французского народа, а против его правительства, «столь же тиранического для самой Франции, как и для остальной Европы». Подражая в этом революционной Франции, Александр рассчитывает, что, твердо придерживаясь таких принципов, коалиция

вызовет общий энтузиазм и переход на свою сторону всех народов. Но мысль его идет еще дальше. «Не об осуществлении мечты о вечном мире идет дело, — читаем в той же инструкции, — однако, можно приблизиться во многих отношениях к результатам, ею возвещаемым, если бы в трактате, который закончит общую войну, удалось установить положение международного права на ясных и точных основаниях», провести, согласно с ними, всеобщее умиротворение и «учредить лигу, постановления которой создали бы, так сказать, новый кодекс международного права, который, по утверждению его большинством европейских держав, легко стал бы неизменным правилом поведения кабинетов, тем более что покусившиеся на его нарушение рисковали бы навлечь на себя силы новой лиги».

Такова общая идея Александра, сформулированная в секретной ноте-инструкции от 11 сентября 1804 г. В ней же намечены общие соображения о будущем переустройстве Европы: оно должно руководиться рациональными основаниями; прежде всего — границами, какие для данной страны начертаны самой природой, ее естественными горными или морскими границами, а в частности — необходимыми для нее выходами на международные торговые пути, ради сбыта произведений ее почвы и промышленности; далее — необходимо было бы, чтобы каждое государство состояло из однородного населения, подходящего для согласного объединения под одним управлением.

В этой инструкции молодого императора — смелая попытка обновить программу политики держав старого порядка идеями нового мира, порожденными революционным порывом европейской жизни к более широкому и свободному развитию, но в то же время преодолеть этот бурный порыв, вводя его в организационные рамки «законного» правительственного режима. Александр еще не боится общественного энтузиазма. Верный воспитанник века Просвещения, он видит в революционном направлении этого энтузиазма только плод тактической ошибки старых монархий, не сумевших вовремя взять в свои руки знамя свободы и равенства и ввести осуществление этих принципов в рамки «законно-свободных» учреждений, организуемых и руководимых законной монархической властью. Обновленная работа этой власти должна быть организована в международном масштабе, и на развалинах старой Европы вырастет новая, под руководством постоянной «лиги» наций, которая приблизит мир к идеалу вечного мира — в отношениях между правительствами и населением их стран и между отдельными странами-государствами. Мысль о таком объединении Европы ради устранения международных конфликтов — мысль XVIII в. Наиболее известным ее выражением был «Проект трактата, чтобы сделать мир постоянным» аббата

Сен-Пьера, опубликованный в 1713 г.; тут речь шла о «христианской республике» — своего рода европейской федерации, с разбором всех конфликтов на общих конгрессах, под гарантией общей вооруженной силы; мысль, весьма популярная в идеологических кругах: в 20-х гг. XIX в. ею увлечен А. С. Пушкин, убежденный, что правительства, совершенствуясь в своем строе и в своей политике, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что «тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия». Поэт чутко отметил полицейски-нивелирующую и подавляющую «страсти» тенденцию пацифизма.

Программа 1804 г. ляжет в основу всей международной деятельности Александра. Она тесно связана с той его политической идеологией, которую он себе вырабатывает на вопросах внутренней политики, на планах преобразования своей империи. Укрепить «силу правительства» такой ее организацией, чтобы она действовала не иначе, как на пользу важнейшим интересам населения, обосновать ее на полной гармонии власти и населения, дисциплинированного и законопослушного, не за страх, а за совесть преданного своим законным государям, насадителям общего блага, перестроить международные связи на началах, обеспечивающих прочность всеобщего мира, сделать раз навсегда излишними и войны, и революции — таковы идеи этой утопии. Рациональное преобразование России и Европы для Александра — две части одной задачи. «Россия есть европейская держава», — рассуждала Екатерина в своем «Наказе»; Петр вводил европейские нравы и обычаи в своем европейском народе тем легче, что прежние, бывшие в России нравы совсем не подходили к ее естественным условиям, а были принесены внешней случайностью — «смещением разных народов и завоеваниями чуждых областей»; Петр только восстанавливал европейскую сущность русской народности. Россия — европейская страна, а Европа сознается в XVIII в. как единое культурно-историческое целое. Вольтер развивает мысль, что страны Европы — «одна семья», объединенная религией, учреждениями, культурой, а в политику это воззрение вводится преимущественно австрийской дипломатией с консервативной целью противопоставить «политическую Европу, признающую общие права и общие обязанности», разрушительным действиям революционной Франции и призвать все державы к защите «общего мира, спокойствия государств, неприкосновенности владений и верности трактатам».

Но то, что для автора этих призывов, Кауница¹, как позднее для Меттерниха, — основа непримиримой реакции, то для Александра —

арена исканий прочного компромисса между старой властью и новыми потребностями народной жизни. Разочарование в преобразовательных опытах первых лет выводит его на международное поприще. Только в общеевропейском масштабе представляются ему разрешимыми те задачи, какие он себе поставил в деле внутреннего преобразования империи. Тем более что между этими внутренними имперскими проблемами и судьбами Европы есть связующее звено — польский вопрос.

Александр привлек к управлению иностранными делами России друга своей юности, князя Адама Чарторыйского, в уверенности, что польскому патриоту не придется на этой службе отрываться от служения интересам польской родины. Александр решительно осуждал, подобно отцу, раздел Польши не только как деяние, нарушавшее и подрывавшее те самые принципы международного права и рациональной справедливости, которые он собирался восстанавливать, но и как политический акт, ослаблявший положение России на западной границе в пользу Пруссии и Австрии. В совещаниях Александра с Чарторыйским речь идет о присоединении к владениям русского императора, который примет титул короля (царя) польского, всех земель Польши до первого ее раздела, так, чтобы имперская граница прошла от Данцига к истокам Вислы и по Карпатам к истокам Днестра. Зато территории Пруссии и Австрии предположительно расширить к западу, хотя бы пришлось предоставить Пруссии Голландию, Австрии — владения в южной Германии и даже Италии. Политическое равновесие Европы надо строить на пяти державах: Англии и России, Франции, Пруссии и Австрии; руководящая роль сохранится за англо-русским союзом, так как остальные три слишком разрознены в интересах. Но существенно сохранить им противовес в Испании с Португалией, в Италии, которую лучше бы охранить от австрийского господства, объединив ее государства федеративной связью, по мысли Питта, и в самой Германии. Объединение этой страны в едином государстве едва ли возможно, да и нежелательно; лучше — полагал Александр — в духе традиций дипломатии XVIII в. выделить из нее и Австрию, и Пруссию, а из остальных германских государств построить крепкий союз. При таком разделении Европы, особенно ввиду исконного соперничества Англии и Франции, Россия получит преобладающее влияние в делах. Восточный вопрос лучше пока на очередь не ставить, но если в ходе событий рухнет неустойчивое равновесие на Балканском полуострове, то следует иметь в виду разделение европейских владений Турции на несколько автономных областей, соединенных в федерацию под протекторатом русского императора, или частичный их раздел с предоставлением Австрии

сербохорватских земель, а России — Константинополя и проливов, Молдавии и части Валахии.

Политика принципов наполнялась в этих проектах 1804 г. весьма конкретным империалистическим содержанием. Путь к осуществлению всех этих планов вел через борьбу с Наполеоном за господство над Западной Европой.

Английский премьер Питт сравнивал кризис, переживаемый Европой под напором французской силы, с тем, какой вызвала в конце XVII в. завоевательная политика Людовика XIV. «Спасителем Европы» явился тогда Вильгельм Оранский, воодушевивший все державы на коалиционную борьбу с Людовиком; к этой роли призывал Питт Александра. Подобная перспектива увлекала русского императора. Размышления над нею и разработка соответственной политической программы выводили его идеологию на те широкие пути, которые определились в планах 1804 г. Но по существу они не были подсказаны Александру со стороны: в них много павловского наследия, переработанного в новом духе.

Основными элементами коалиции должны были стать Россия и Англия, Пруссия и Австрия. Для Англии ее борьба с революционной и с наполеоновской Францией была продолжением их векового соперничества на почве колониальной политики и стремления Франции развернуть свои экономические силы развитием самостоятельной французской морской торговли. Англия упорно защищала свое морское господство. И для Александра в этом был труднейший пункт его конечного плана — установить прочную систему международного права: программная инструкция 1804 г. отмечает эту наиболее трудную задачу — убедить Англию в необходимости пересмотра ее «морского кодекса» для обеспечения прав и интересов других держав на началах «порядка и справедливости». Еще сложнее был вопрос о русско-пруссских отношениях. Александр унаследовал от отца глубокую симпатию к Пруссии как образцу гатчинской военщины и гатчинской дисциплины. Летом 1802 г. он едет в Мемель посетить митрополию своей гатчинской школы, «расширить свои познания в военном строе и парадах», которым придавал «большую важность и обладал почти в такой же степени, как и его брат Константин» (по свидетельству кн. Чарторыйского). Семейные симпатии и традиции делали, с другой стороны, прусскую королевскую семью — не чужой для него, не иностранной, а родственной и близкой. Личная дружба с Фридрихом Вильгельмом, очарование прекрасной королевы Луизы, которому и современники и потомки склонны придавать крайне преувеличенное значение даже в политике Александра, закрепляли эти прусские связи, выразившиеся в октябре 1805 г.,

накануне Аустерлица, пресловутой клятвой вечной дружбы двух государей у гроба Фридриха Великого. Пруссия, как по-своему законченный тип военно-бюрократического государства и патримониального монархизма, и без того занимала большое место во всем складе воззрений и симпатий Александра. Пруссия, как одна из крупных политических сил Европы, представлялась ему, с другой стороны, необходимым элементом европейской системы, связь с нею, влияние на нее — одним из устоев европейской политики России. Мысль, сосредоточенная на роковой неизбежности борьбы против Наполеона, осложнялась сознанием противоречия между необходимым для этой борьбы союзом с Пруссией и противоположностью ее интересов имперским планам Александра в области польского вопроса и вообще западных пределов России. Общий принцип естественных границ и, особенно, выходов на мировые торговые пути, который намечался как одна из основ будущего переустройства Европы, получал такое применение в обсуждениях между Александром и Чарторыйским, что для России, для ее торговых и стратегических интересов, необходимы устья Немана и Вислы, без которых невыполнимо обеспечение Литве и Польше здоровых условий развития, как и без австрийской Галиции — неразрешима организация Польши и установление твердой западной границы империи, для Пруссии, однако, явно неприемлемое. Из этих рассуждений Чарторыйский делал решительный вывод, что разрешение этих задач внешней политики России возможно только путем войны с Пруссией, которая должна предшествовать борьбе против Наполеона и создать для этой борьбы надлежащую базу. Александр отступил перед такой перспективой и пошел иным путем — организации антифранцузской коалиции, полагая, что победа над Наполеоном даст возможность провести переустройство Европы на мирных конгрессах. Однако Пруссия твердо замкнулась в системе выдержанного нейтралитета северной Германии — со времени своего выхода из первой коалиции по Базельскому миру 1795 г. Тщетно убеждал Александр своего берлинского друга, что «действительная, непреходящая польза» Пруссии требует ее присоединения к коалиции, что покорность Наполеону, только прикрытая нейтралитетом, ведет, «после многих дорогостоящих уступок и с вечным упреком за содействие предоставлению всемирной монархии тому, кто так мало этого достоин, к полному и неизбежному разрушению его государства». Фридрих Вильгельм сделал в 1804 г. последнюю попытку удержаться в равновесии между Францией и Россией и пошел только на декларацию о готовности своей оказать вооруженное сопротивление всяким новым нарушениям северно-германского нейтралитета Наполеоном, в союзе с Александром, с которым он

согласен «в принципах». Эта неудача не остановила, однако, настояний Александра на присоединение Австрии к англо-русскому союзу. Преодолеть нерешительность австрийского правительства стоило немалого труда. Кобенцль² ясно видел огромные размеры риска, указывая представителям России, что-де «мы находимся у дула пушки и скорее будем уничтожены, чем вы сможете придти к нам на помощь», тем более что население габсбургских владений отнюдь не проникнуто необходимым доверием и уважением к своему правительству. С трудом примирялась Австрия с потерей своих итальянских владений и с упадком своего общегерманского значения, но признала за Наполеоном его императорский титул, который он сам рассматривал как возрождение императорства, созданного Карлом Великим, что и выразил позднее в титуле римского короля для своего сына. Франц II стал титуловаться императором австрийским, уступив таким образом «корсиканцу» притязания Священной Римской империи на общеевропейское главенство.

Александр не признал ни того ни другого. Но, как ни соблазнял он Австрию русской военной поддержкой, в своевременность и достаточность которой в Вене плохо верили, и английскими субсидиями, из-за размера которых шла продолжительная торговля, ему в 1804 г. удалось и от Австрии добиться только декларации, и то отредактированной весьма осторожно, о готовности действовать вместе с Россией для предотвращения и отражения новых нападений Наполеона на одну из договаривающихся сторон (со стороны России разумелось нападение на русские войска, занимавшие Ионические острова) или опасные для них захваты его в Германии. Не одна опаска перед силой Наполеона и сознание своего бессилия обусловили такую осторожность австрийских правителей. Они с недоверием озирались на Россию, толкавшую их в тяжелую и опасную войну, и на старую соперницу, Пруссию: в декларации были оговорены гарантии неприкосновенности Турции «в том положении ее владений, в каком оные ныне находятся», и в особой статье — обязательство России обеспечить нейтралитет Пруссии; оговорено и обязательство Александра выторговать у Англии крупную денежную субсидию для австрийцев. Характерно в этой декларации также признание целью коалиции, по мысли Александра, «не выполнение контрреволюции, но единственно отвращение общих опасностей Европы», так как «правила обоих государей не позволяют им ни в каком случае стеснять свободную волю французской нации».

Коалиция была и не полна — без Пруссии, и военные силы не были достаточно подготовлены для совместных действий, когда в апреле 1805 г. заключен окончательно англо-русский договор, к которому

в июле присоединилась и Австрия, поддавшись самонадеянности одной из групп своего высшего командного состава. А Наполеон едва ли преувеличивал, когда заявлял официально в Берлине, что ему ясны все планы его противников во всех их последствиях. Покинув подготовку фантастического проекта десанта в Англию, он открыл военные действия на суше. Опасения Кобенцля быстро оправдались. Австрийские силы были сокрушены раньше, чем подоспела русская армия. Кроме медлительной мобилизационной техники в этом запоздании сыграли свою роль и переговоры с Пруссией о пропуске русских войск. Личное посещение Берлина Александром, ознаменованное клятвой взаимной дружбы в Потсдаме, привело к запоздалому заключению договора о присоединении Пруссии к антифранцузской коалиции, обусловленному, однако, предварительной попыткой прусского посредничества для немедленного восстановления мира. 3 ноября (22 окт.) подписан этот договор, а еще 19 октября генерал Мак капитулировал со всей своей армией, 13 ноября Наполеон вступил в Вену и разрубил узел весьма напряженного положения, когда сколько-нибудь серьезная неудача могла его погубить (с выступлением Пруссии и подходом всех австрийских сил), 2 декабря (20 нояб.) Аустерлицкой победой.

Аустерлиц лег тяжелой тенью в личной жизни Александра. Он сам провел всю дипломатическую подготовку коалиции и войны, распоряжался ее военной подготовкой и сам настоял на решительной битве, вопреки мнению главнокомандовавшего союзной армией Кутузова. Он словно пробовал силы на широком поприще правителя большого государства, памятуя совет Лагарпа — выслушивать мнения министров и других ответственных исполнителей, но решать самому, без них. Вся кампания — и дипломатическая, и военная — кончилась катастрофой. Александр чувствовал, что ответственность возлагают на него, но сам досадливо складывал ее на свой «кабинет» и на Кутузова, к которому навсегда проникся ревнивой антипатией и недоверием.

Положение Чарторыйского в роли руководителя ведомства иностранных дел стало невозможным. В марте 1806 г. он обратился к императору с письмом, в котором дал любопытную характеристику сложившихся отношений. Он выясняет как причину полной неудачи попыток внести единство и планомерность в управление делами государства стремление Александра «брать исключительно на одного себя ответственность не только за каждое принятое решение, но даже за его исполнение, вплоть до самых мельчайших подробностей», его стремление «все решать единолично, как в делах военных, так и в гражданских», особенно в острые моменты, «когда дело идет

о принятии таких решений, от которых зависит спасение или гибель государства». Входя во все детали иностранных дел, Александр лично избирал представителей России за границей или ставил рядом с ними доверенных людей, особо уполномоченных, не считаясь обычно с мнением министерства; сам редактировал и изменял инструкции. Выполнение коллективно намеченных планов теряло устойчивость и последовательность под давлением его личных действий. То же и в делах военных. Чарторыйский укорял Александра в замедлении рекрутского набора и приказов о мобилизации, в несвоевременном движении войск на театр действий — из-за его личных колебаний и медлительности. Отъезд Александра в действующую армию состоялся вопреки настояниям окружающих. Ему указывали, насколько его присутствие свяжет высшее командование, подорвет его ответственную самодеятельность, перенесет эту ответственность всецело на него самого. «Государь, — писал ему Чарторыйский, — не доказавший еще на опыте своего умения командовать, никогда не должен ставить себя в такое положение, где, в известный критический момент, он может быть вынужден принимать сам лично быстрые и бесповоротные решения». А при армии Александр, не принимая открыто командования, связывал главнокомандующего своими решениями, подрывал его авторитет, выслушивая разноречивые мнения штабных генералов, лично осматривал передовые позиции и движения колонн, чтобы быть на виду у армии, вместо того чтобы «лишь в крайних случаях пользоваться тем впечатлением, какое производит на войска его личное появление», как ему советовали.

Но Александр не мог примириться с такой организацией управления, которая, как ему казалось, отдаляет его от власти, ни тем более от такой постановки военного управления и командования, которая отдаляет его от армии. Держать в своих руках все устои «силы правительства», лично определять все направление и содержание правительственной деятельности и возможно ближе, непосредственное руководить ее ходом, как в ее целом, так и в существенных деталях, было для Александра не только делом личного честолюбия, но и сознательным выполнением выпавшей на его долю роли правителя-самодержца, к тому же захваченного широкими планами перестройки своей империи и всей Европы на принципиально новых основаниях. Александр вернулся в Петербург после Аустерлица сильно подавленным. Де Местр сообщал о нем, что его удручает мысль о бесполезности императора, который не в силах стать полководцем. Однако, разбираясь в крайне тяжелом и сложном политическом положении, он нашел себе выход из упадка духа — в уничтожающей критике действий исполнителей своих предначертаний и союзников. Мысль

сосредоточивается на возможности реванша, который вернет к прежним широким планам, на сохранении и подготовке необходимых для этого условий.

Политические последствия Аустерлица казались решительными. В том же декабре 1805 г. Австрия совсем капитулировала перед Наполеоном по миру, заключенному в Пресбурге³; Пруссия заключила с ним в Шенбрунне союзный договор, который после нерешительных переговоров получил ратификацию Фридриха Вильгельма. В первых же переговорах с Россией — о перемирии, затем о мире — прозвучали совсем «тильзитские» ноты: свобода действий Наполеону на Западе, Александру — на Востоке. Переговоры эти продолжены русским уполномоченным Убри⁴ в Париже и привели его к подписанию мирного трактата в июле 1806 г. — с признанием императорского титула Наполеона и всех его европейских распоряжений. Но Александр еще отступает перед таким шагом. Все эти договоры сулят только «мнимое умиротворение», отдают и Австрию, и Пруссию, и Польшу, которая на Наполеона возложит все надежды, в руки императора французов: он станет подлинным императором Европы, этот «узурпатор». Цель Александра — сохранить почву для возрождения коалиции; в этом духе идут его сношения с Австрией, а Пруссия заменяет свою политику «нейтралитета» своеобразным союзничеством на две стороны, с двумя органами своей внешней политики — официальным для Франции и неофициальным для России, с которой, в противовес Шенбруннскому договору, обменивается «союзными декларациями», обязуясь — с заявлением, что Шенбруннский трактат не нарушает прежних союзных отношений к России, — не помогать Наполеону, если бы между ним и Александром завязалась борьба из-за Турции или если бы Александр нашел своевременным подать помощь Австрии при нарушении Францией Пресбургского мира, и принимая обязательство Александра «употреблять постоянно большую часть своих сил на защиту Европы и все силы Российской империи на поддержание независимости и неприкосновенности прусских владений». Весь смысл этих «деклараций» был для Александра в том, чтобы удержать Пруссию от перехода вполне в ряд врагов коалиции — вассалов Наполеона — и сохранить в ней расчет на покровительство России. Ход событий завел дальше этого. Александр отказался утвердить договор, заключенный Убри, а Пруссия не удержалась в своем двусмысленном балансировании между двумя империями и не достигла своей цели усилиться в северной Германии образованием «Северного союза» немецких княжеств, под своим главенством, и приобретением Ганновера. В расчете на русскую помощь, Фридрих Вильгельм поставил Наполеону ультимативные требования, на которые тот,

видя перед собою опять возрождение коалиции, а в тылу восстание Испании, ответил уничтожением прусской армии в двойном бою 14 октября: под Иеной и Ауерштедтом; 25 октября маршал Даву⁵ занял Берлин. Пруссия казалась уничтоженной. Во всяком случае, ее судьба — в руках Наполеона.

Перед ним большая задача: утвердить свое господство над всей континентальной Европой, спаять ее в одну политическую систему под своим главенством, перестроить ее в крепкую федерацию под гегемонией Франции и противопоставить ее главному противнику — Англии. Великая империя не может существовать только на суше. Наполеон давно борется за французское господство на Средиземном море: Италия, Испания должны войти в имперскую систему Европы, Турция — под его опеку. В Берлине, в этот момент торжества, оформилась идея «континентальной блокады» — этой экономической спайки всего континента под французским господством, с полным бойкотом английской торговли, пока «владычица морей» не смирится перед императором Запада и не подчинится его директивам. Но в эту систему необходимо ввести и Россию: силой или миром. Игнорировать ее нельзя: слишком это и политически, и экономически существенная часть европейского мира. Разграничиться с ней трудно: ее ближневосточные притязания врезаются в средиземноморскую политику Наполеона, польские — в среднеевропейскую, балтийские — в северную, во все вопросы, связанные с Англией и Пруссией. В ней источник новых «коалиционных» опасностей, новой борьбы за добытое с таким напряжением сил европейское господство, еще не закрепленное, еще зыбкое и шаткое в основах. Еще много трудностей в организации имперского господства на Западе; необходимо ввести Россию в континентальную систему, оторвать ее от Англии, парализовать ее поддержку всем противоборствующим Наполеону силам.

Александр видит свою империю в большой опасности. Наполеон грозит выбросить его из Европы. Дело не только в мероприятиях, направленных на то, чтобы убить возможность для Австрии и Пруссии новой борьбы, нового союза с Россией. Наполеон подымает, возрождает Польшу, организует ее силы, восстанавливает ее былое значение — передового поста Западной Европы против России. Гений военного империализма вновь и вновь принимает обличие носителя революционных начал — освобождения народов, грозит отнять у Александра его мечту о захвате этого мощного орудия в пользу «законных» правительств. Увлечены этим «порождением революции» поляки, но не увлекутся ли и русские? Уже раньше, вступая в первую борьбу с Наполеоном, Александр, только что упразднивший

«тайную экспедицию» с резким осуждением в манифесте 2 апреля 1801 г. административного произвола в деле полицейского сыска и охраны порядка, учреждает вновь, при отъезде своем в армию, особый комитет по «сохранению всеобщего спокойствия и тишины», перестроенный в январе 1807 г. с новыми широкими полномочиями в «комитет общей безопасности». Цензурные распоряжения воспрещают касаться польского и крестьянского вопросов: Александр встревожен народными толками о том, что-де Бонапарт писал ему, чтобы он освободил всех крестьян, а то война никак не прекратится, что француз крестьян не тронет, а только помещиков истребит, чтобы народ вызволить от утеснения. Мало того. Наполеон снова, как в дни своей египетской экспедиции, разворачивает обширные планы восточной политики. Завязывает сношения с Персией, против которой у Александра шли с 1804 г. военные действия, связанные с недавним присоединением Грузии и укреплением русского владычества в Закавказье. Наполеон увлечен мыслью доставить Персии инструкторов и артиллерию, вернуть ей Грузию, порвать ее связи с Англией, поднять против англичан афганцев, подготовить путь для французского вторжения в Индию. Ближе и реальнее его турецкая политика. Он поднимает Турцию против России. Под давлением французской дипломатии, султан сменяет господарей Молдавии и Валахии, связанных с Россией, другими, ей враждебными; Александр — в ноябре 1806 г. — отвечает оккупацией дунайских княжеств и вступает в шестилетнюю войну с Турцией.

В итоге, перед Александром на выбор — либо капитуляция перед Наполеоном, либо борьба. Он пытается возобновить борьбу. Призывает Австрию к новому усилию, чтобы «остановить полное крушение мира, который находится под страшной опасностью разрушения и порабощения», возвещает патетичным манифестом возобновление войны с Наполеоном, призывает сверх регулярной армии повсеместное ополчение, объявляет сбор пожертвований деньгами и вещами, ввиду грозящего иноземного вторжения. Синоду повелено возбудить население религиозным фанатизмом против «неистового врага мира и благословенной тишины», порожденного «богопротивной революцией», из-за которой «за ужасами безначалия последовали ужасы угнетения» сперва для Франции, потом и для всех стран, поддавшихся этой заразе, сущего антихриста, который в Египте «проповедовал алкоран магометов», а в Париже собрал еврейский синагог с мыслью устремить евреев против христиан и разыграть роль «лжемессии», а теперь «угрожает нашей свободе».

Александр явно мечтал создать в 1807 г. «отечественную» войну, войну национальной самообороны для России, освободитель-

ную для Западной Европы. Покушение это было выполнено с явно негодными средствами и привело к новому срыву. Однако безнадежность положения для возрождения коалиции выяснилась не сразу. Удачный авангардный бой под Пултуском (26 декабря), сильно преувеличенный в донесениях Беннигсена, кровавая и упорная битва под Эйлау⁶ (8 февраля 1807 г.), обессилившая обе стороны, — колебали представление о непобедимости Наполеона. Положение его — трудно, напряженно, кажется не только врагам, но и ему самому и его окружающим постоянно висящим на волоске. Много потеряно пленными, много дезертиров, особенно из нефранцузских воинских частей; колеблется почва его власти во Франции, где идет глухая, подавляемая, но упорная партийная борьба, нарастающая ненадежность ряда маршалов и политических деятелей империи — все соблазняло на борьбу за сокрушение нависшего над Европой владычества. В переговорах с Пруссией о дальнейших действиях заново прорабатывается идея освобождения Европы и ее переустройства для обеспечения давно желанного мира — под опекой четырех держав, России, Пруссии, Австрии и Англии, для укрощения Франции рядом гарантий против новых ее выступлений. Конвенция, заключенная Россией и Пруссией в апреле 1807 г. в Бартенштейне⁷, обновляет план коалиции с целью «предоставить человечеству блага всеобщего и прочного мира, утвержденного на основе порядка владения, обеспеченного, наконец, за каждой державою и поставленного под гарантию всех». Конвенция и намечает основания переустройства Европы, как бы подготавливая решение будущего конгресса. Однако ни Англия, ни Австрия, ни Швеция не присоединились к этой конвенции. Англия, изверившись в результатах континентальной борьбы и недовольная прусскими и русскими планами собственного усиления (Пруссии в Северной Германии, России — в Дунайских княжествах), отказала Александру и в дальнейших субсидиях, и в крупном займе. За Бартенштейнской конвенцией последовал (14 июня) Фридланд, новая победа Наполеона, ознаменовавшая годовщину его первого большого дня у Маренго, победа, которая на время покончила с Пруссией и сломила сопротивление Александра. Наполеону еще раз удалось разбить объединявшиеся против него силы, их временно разрознить, в ожидании, пока оправятся смятые элементы коалиции. На этот раз настала длительная «интермедия», мнимый перерыв все той же борьбы, ушедшей в подполье глухой интриги, дипломатической игры и подготовки новых сил. Можно повторить слова французского историка: «Сколько понадобится России месяцев или недель, чтобы оправиться, восстановить связь с Австрией, поднять из упадка Пруссию, привлечь заново Англию? Весь вопрос был в этом, и не было другого;

все, что предстояло “другое”, было только фантасмагорией авансцены и спектаклем интермедии» (Сорель). Понадобились не недели, а годы, но они протекали в напряженном ожидании, что вот-вот интермедия кончится и возобновится подлинная историческая драма.

<...> Имя этой интермедии — «тильзитская дружба». Крушение коалиции вело с неизбежностью либо к решительной борьбе между Россией и Францией, либо к их соглашению, из которого обе стороны могли извлечь значительные выгоды: Наполеон — возможность беспрепятственно закончить организацию своего европейского господства, Александр — завершение прибалтийских и черноморских планов русского империализма. Мысль о разделе власти между двумя императорами, которую Наполеон выдвигал в сношениях с Павлом и к которой стал возвращаться после Аустерлица как к выходу, хотя бы временному, из чрезмерного напряжения своих сил, стала и с русской стороны выступать как нечто, по обстоятельствам, неизбежное. «Будьте уверены, — писал Строгонов Чарторыйскому в январе 1806 г., — что есть только один способ уладить все это, но этот способ был бы у нас, вероятно, признан нечистым и безнравственным, хотя он весьма простителен в той доброй компании, которая управляет Европой: это было бы — круто перейти к союзу с Наполеоном и вместе с ним съесть пироги». Цинизм, весьма мало свойственный П. А. Строгонову, тем более характерен; он вызван разочарованием в союзных силах, которое доводит его до восклицаний о «гниении континента». Для Александра — при невозможности борьбы — такое соглашение оставалось единственным способом обеспечить от решительных покушений Наполеона свои цели и в польском вопросе, и в турецких делах, а вместе с тем сберечь возможности новой будущей коалиции. Интермедия союза и дружбы была разыграна превосходно. Играли первоклассные актеры. Про Александра — еще во время его детства — бабушка сообщала своим иностранным корреспондентам о его редких мимических способностях, умение разыгрывать разные роли. Придворная жизнь вышколила это дарование, выработала навыки самообладания и умения принимать все обличия, выдерживать весь тон, подходящий к обстоятельствам, выражать настроения и чувства рассчитанно и применительно к желательному впечатлению на окружающих, на того или иного собеседника. Лагарп, хотя и «республиканец», сумел внушить питомцу сознание важного для него умения «разыгрывать императора» при всяком публичном появлении и в общении с государственными деятелями. Александр не только усвоил эту технику императорства; он умел и входить в роль, проникаться ею, вызывать в себе соответственные любому положению переживания, никогда не отдаваясь им всецело. Он их

действительно переживал, умея навинтить себя на них до иллюзии искренности, быть может, не только перед другими, но и перед самим собой. Но отдаться целно какому-либо увлечению, идеей ли или человеком, он не мог, не умел, да и не хотел: слишком он для этого эгоцентричен, да и слишком — император, всегда помнящий расчеты личной и государственной политики. Уверенная в своей мощи, более порывистая и яркая натура Наполеона чаще давала волю своим проявлениям. Казалось, что он часто забывается, выходит из себя, высказывается с потрясающей безудержной откровенностью, резко вскрывает свои мысли и чувства, расчеты и опасения. Но он обычно владел этими вспышками, разыгрывал их как приемы воздействия в речах, в дипломатических нотах, приказах по армии, манифестах и даже официальных статьях парижских газет и в личных письмах. Большой любитель классической французской драмы, поклонник великого артиста Тальма, он говорил ему, что сам играет «трагедию на троне».

Глубокий реализм в понимании людей и политических положений сочетался в нем с богатой и безудержной игрой воображения, строившей колоссальные планы и сложнейшие комбинации, утопический размах которых насыщал эмоциональной мощью его практически рассчитанные шаги превосходного организатора и властного вождя. Оглядываясь на протекшую жизнь в одиночестве на острове Св. Елены, он признавал, что никогда не был, по-настоящему, самим собой. «Стоял я, — так говорил он, — у руля и держал его сильной рукой, однако часто удары нежданной волны были еще сильнее»; а на вопрос, к чему он, собственно, стремился, отвечал, что сам того не знает, и пояснял: «Потому, что, ведь, в самом деле, я не был хозяином своих поступков, так как не был настолько безумен, чтобы стремиться скрутить события применительно к построению моей системы, а, напротив, применял свою систему к непредвиденной конъюнктуре обстоятельств». Смелые порывы воображения и трезвые расчеты политики вели его, в сложном взаимодействии, к попыткам осмыслить каждую «конъюнктуру обстоятельств» и овладеть ею, к ней применяясь. Она определяла очередные задачи, очередную роль, какую надо взять и разыграть.

Конъюнктура обстоятельств 1807 г. привела к Тильзитскому миру. В его основе — отказ обоих контрагентов от всеобъемлющих планов, Александра — на Западе, Наполеона — на Востоке. По форме — это союз вечной дружбы, решительный раздел сфер влияния и действия, договор, установленный в театральной обстановке личного свидания двух императоров в павильонах на плоту посреди Немана, против Тильзита, 25 и 26 июня.

Тильзит казался многим — а многим и до сих пор кажется — полным переворотом в направлениях политики Александра. Более прав Альбер Сорель, когда называет Александра «одним из наиболее последовательных людей, какие когда-либо были, несмотря на все зигзаги его политики, прорывы его фантазии, неожиданности его излияний». Менялись, по обстоятельствам, пути и приемы, не общие намеченные цели. Коалиция рухнула; нельзя ли продвинуться в том же направлении через соглашение с Наполеоном? И Александр намечает признание за Наполеоном Западной империи во всем ее объеме, однако пытается защитить и Люксембург, и королей Неаполя и Сардинии, особенно Пруссию, готовый взять ее земли до Вислы, но с вознаграждением ее хоть Чехией; пытается уклониться от континентальной блокады, которая разорила бы Россию, и заменить ее возрождением вооруженного нейтралитета, чтобы ослабить морское господство Англии и усилить русское влияние на Севере; он готов на раздел мира между двумя империями, но с гарантией своего преобладания на Ближнем Востоке. Все это не пройдет в переговорах с Наполеоном, а потому новый союз только прикроет блестящим покровом прежнее соперничество и подготовку сил к новой решительной борьбе. Пришлось принять континентальную блокаду, что создало для Александра крайне напряженное положение внутри страны, подрыв внешней торговли, расстройство финансов, раздраженную оппозицию крупных землевладельческих кругов, питаемую убытками на замершем вывозе русского сырья и ростом цен на привозные товары. Неприемлемо было для Наполеона стремление Александра сохранить роль протектора подавляемых им западноевропейских государств. Но всего острее стали между ними вопросы — польский и турецкий.

«Если Франция и Россия в союзе, то весь мир должен им покориться», — говорил Наполеон в Тильзите. Но Александр должен отказаться от защиты интересов Англии, Австрии, Пруссии, увидеть в них «врагов России» и не препятствовать Наполеону строить на Западе «великую империю». Ее господство Наполеон не думает распространять к востоку, за Эльбу. Как и в прежних переговорах с Россией, он указывал на то, что гарантией мирных и союзных отношений между двумя империями должно служить отсутствие у них общей границы. В начале он русскую западную границу намечает по Висле. Но он связывал такую границу с полным устранением Пруссии как значительной державы. Настояния Александра на сохранении Пруссии и его проекты компенсации прусских территориальных потерь другими владениями — раздражали Наполеона и будили в нем справедливые подозрения о задних мыслях нового «друга». Он

шел даже на предложение Александру признать его или его брата Константина польским королем за согласие на то, чтобы Силезия стала самостоятельным владением его брата Жерома. Лишь бы порвать связи России с Пруссией, лишь бы так принизить Пруссию, чтобы она перестала быть силою в политическом равновесии Европы. Настояния Александра довели его до отказа от Силезского проекта, и он продиктовал в 4-ю статью Тильзитского договора, что соглашается возвратить прусскому королю перечисленные в этой статье земли — «из уважения к русскому императору и в изъявление искреннего своего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы». Но эта уступка в корень изменила постановку польского вопроса. Из остатков польских владений Пруссии создается Варшавское герцогство, территориально и политически искусственное и бессильное, без выхода к морю, не охватывающее, с другой стороны, даже этнографической Польши, «голова без туловища», по выражению польского историка. Александр не захотел явиться в Польше ставленником Наполеона, да еще за цену полного разрыва с Пруссией, надеясь в будущем создать иные, более широкие условия для выполнения своих польских планов, о которых не переставал говорить полякам, осторожно и уклончиво, хоть и многозначительно. Его любезное предложение признать Жерома Бонапарта польским королем — звучало почти иронией. Наполеон отклонил эту мысль, видя в ее осуществлении источник немедленного возобновления напряженных отношений на восточных своих окраинах, чего хотел хоть на время избежать: тут нужен, пояснял он, кто-нибудь, кто не смущал бы ни Россию, ни Австрию. Он отдал Варшавское герцогство саксонскому королю, без объединения двух территорий, так как Силезия осталась за Пруссией: пришлось оговорить в трактате, что король саксонский будет пользоваться свободным путем для сообщения с Варшавским герцогством через прусские владения. Можно сказать, что в этой области — в судьбе территорий по Висле — все осталось на весу, в неустойчивом и условном равновесии, чреватом дальнейшими столкновениями и доступном для новых комбинаций, которыми непрерывно занята мысль Александра. Его ближайшая забота — чтобы Польша не стала вполне орудием Наполеона, его форпостом на Востоке, в корню разлагающим возможности новой коалиции, и не ушла бы безнадежно из-под его собственного влияния в духе проектов, какие он обсуждал с Чарторыйским. На деле Польша уходила из его рук, Наполеон вырастал в национального польского героя, становился центром польских патриотических надежд. Зная, насколько чужд Наполеон какому-либо увлечению «польской идеей», с которой умело заигрывает по мере надобности, но к которой

относится с таким же пренебрежением, как ко всякому национальному движению, Александр настаивает на гарантиях, что он ее не использует во всю ширь против России, что он никогда не возьмет на себя восстановления Польши, и получает ряд заверений в этом, не закрепленных, однако, никаким официальным актом: Наполеон держит эту угрозу на весу, не решаясь (даже в борьбе 1811–1812 гг.) ее использовать. В опасный для себя момент 1809 г., когда так ясно выступила внутренняя фальшь союза, только прикрывшего напряжение борьбы двух империй, Наполеон приносит его сохранению в жертву возможность восстановления Польши, дает ей лишь Краков и Западную Галицию, но отдает Александру ее восточную полосу, чтобы вбить глубже клин русско-польской вражды. Соперничество из-за Польши остается неразрешенным.

Не меньшей опасностью для «тильзитской дружбы» стали турецкие дела. Ближний Восток, отношения к которому русская дипломатия стремилась, по возможности, держать вне общей схемы европейской политики, как свое, особое, восточное дело, оказался теснее прежнего втянутым в политические планы Наполеона. Захват Далматии в состав его имперских владений, утверждение его власти в Италии, преследуемая им задача французского господства в Средиземном море — все вело к возрождению франко-русского соперничества на Балканском полуострове, в Константинополе. Давнее опасение, которым русская дипломатия объясняла связь интересов России с делом антифранцузских коалиций, что Франция, если не сдержать ее, «дойдет когда-нибудь и до нас, через Швецию, Польшу и Турцию, и заставит нас сражаться не из-за большего или меньшего влияния в Европе, а за наш собственный очаг», становилось особо острым и как нельзя более реальным. Обеспечение своих ближневосточных интересов Александр ставил накануне Тильзита прямой ценой своего союза с Наполеоном. Дунайские княжества заняты русскими войсками, в них организуется русское управление. Молдавия и Валахия входит в планы построения всей обширной империи, к разработке которых Александр возвращается в годы Тильзитского мира. Попытка Наполеона оградить Турцию от русского напора французским посредничеством с внесением в Тильзитский договор обязательства удалить русские войска из Молдавии и Валахии, затем попытка навязать России перемирие, во всем выгодное для турок, удалась на деле так же мало, как настояния Александра на освобождении Пруссии от французского засилья. Перемирие, продиктованное французами, не было утверждено, оккупация Дунайских княжеств осталась в силе. Александр настаивал на признании их за Россией, на содействии союзника в принуждении

турок к этой уступке. Наполеон не решается оплатить союзника выдчей ему Турции головой. Если Александр добьется своих целей, ему будет прямой расчет искать соглашения с Англией за признание ею своих приобретений, освободиться от французской опеки, отбросить Францию на крайний Запад. Наполеон и этот вопрос держит на весу, как средство давления на Россию, приманивает Александра тайным соглашением о разделе Турции, не соглашаясь только обещать ему Константинополь: «Константинополь,— говорит он,— это господство над миром». В крайности, он готов признать за Россией Дунайские княжества, но пусть Александр согласится на то, что он отнимет у Пруссии Силезию: обессиленная Пруссия выйдет из строя, русско-пруссский союз станет невозможен; та же игра, что в польском вопросе. И тот же ответ Александра: он не согласен вовсе пожертвовать Пруссией, даже за цену Дунайских княжеств; лучше он от них откажется. 1809 г. и тут привел Наполеона к уступкам. Он согласился устранить свое посредничество из русско-турецких отношений, признал Дунай границей русской империи, если Россия сама доведет до этого Турцию. Он дорого платит за сохранение, во что бы то ни стало, союза, который неизбежно разлагался и накоплял в своих недрах материал для грядущей решительной борьбы.

В том же 1809 г. оформлено присоединение к России Финляндии. Этот подарок союзнику не смущал Наполеона. «Финляндия вам нужна,— говорил он русским,— она слишком близка к Петербургу». Ею, в его сознании, оплачивалось присоединение России к континентальной блокаде, предлогу русско-шведской войны; роль России — быть орудием его антианглийской политики на Севере. Александр использовал это присоединение для приступа к преобразованию империи, которое должно было получить, в его утопичных проектах, широкий размах — и общеимперской, и международной перестройки всех отношений на идейно новых основах; слабый набросок еще неясной, чего-то ищущей мысли.

1809 г. мог казаться моментом завершения усилий Наполеона. На эрфуртском свидании закреплен союз с Россией, завершено тильзитское дело. Затем сломлено сопротивление Австрии, ее попытка взяться за оружие кончилась Ваграмским поражением. 1810 г. — «апогей Великой империи». Французское господство над Западной Европой завершено. Она поделена на ряд стран, прямо или косвенно, но покорных Наполеону, его военной и политической диктатуре. Могло казаться, что заложено основание для объединения этого мира в прочно спаянное целое, для придания ему стройной окончательной имперской организации. Но все это только мираж. Русский союз — одна видимость, обманывающая только того, кто хочет быть

обманутым, и лишь поскольку он этого хочет. Внутри сила имперской власти подкопана изменой, готовностью продать императора ради личных выгод и ради спасения Франции от нарастающей и внешней и внутренней катастрофы. Власть над Европой держится только на голом насилии, нарастает враждебное противодействие, с жадной тревогой следящее за ходом испанской борьбы против французского господства. А сама наполеоновская империя на распутье. Сохранит ли она свой исторический смысл — наследницы революции, закрепляя ее социальные и гражданско-правовые достижения, или пойдет по пути внутренней подготовки реакционной реставрации в усиленном компромиссе с традициями монархизма, аристократизма и клерикализма? Этот вопрос — об исходе непрерывной борьбы двух тенденций во внутренней жизни империи — придал особое значение делу о разводе Наполеона с Жозефиной Богарне и новом его браке. Цель подобного шага — династическое обеспечение империи — осложнена у Наполеона особым настроением — мечтой о династической легализации своей власти родством с одной из старых монархических фамилий. Он остро ощущал, что его власти недостает того монархического ореола, каким — ему казалось — сильны старые династии: он чувствовал себя при сношениях с Габсбургом или Романовым в чуждой, не приемлющей его среде. Он окружает свое императорство пышной торжественностью официальных церемоний, свой престол новой знатью, раздавая титулы герцогов, графов, баронов своим слугам вместе с крупными земельными пожалованиями и большими доходами. Вся инсценировка монархического и аристократического быта кажется ему необходимой оболочкой императорской власти, если ей суждено стать династически прочной: нужно ей и благословение покорной церкви — корона Карла Великого, возложенная на его главу руками папы. Но он хотел бы не подражательного монархизма — и увлекается примирением с настоящей, старой аристократией, которой наполняет свой двор, свою администрацию. Корни реставрации прорастают в почве его империи, грозят своими победами заглушить наследие революции.

На почве опасений, что брачный союз с одной из старых династий усилит реакционные элементы наполеоновского империализма, выросла своеобразная популярность проекта о женитьбе Наполеона на одной из сестер Александра. Сторонникам этого брака казалось, что русская династия, не связанная с миром «старого порядка» в Европе, окажется наиболее «свободной от предрассудков», не внесет опасных для новых условий французской жизни реакционных традиций. Этот брак был бы для Наполеона, с другой стороны, еще одной скрепой расшатанного, но еще нужного союза, который он хотел бы сохра-

нить устоем своей системы в мировой политике. За брак с Анной Павловной Наполеон был готов заплатить конвенцией, которая «положит конец опасным заблуждениям, какие может еще порождать в сердцах бывших поляков обманчивая надежда на восстановление Польского королевства», формальным заявлением, что «Польское королевство никогда не будет восстановлено», а Варшавское герцогство не получит «никакого территориального расширения на счет тех частей, которые составляли бывшее Польское королевство», и даже, что самые слова *Польша* и *поляки* должны навсегда исчезнуть из какого-либо официального употребления. Но Александр отказал, прикрывшись волей императрицы-матери, и конвенция не получила утверждения Наполеона, хотя и была уже подписана его послом Коленкуротом. Наполеон немедля закончил другое подготовленное сватовство и вступил в брак с австрийской принцессой Марией Луизой. Тильзитская дружба разрушена, а империя, приняв на свой престол представительницу наиболее старых монархических традиций, пошла по пути, который можно без натяжки назвать «внутренней реставрацией». Наполеоновская империя все больше теряет свой ореол носительницы великих традиций революции в противоположность «старым» монархиям. В ряду его сотрудников зреет мысль о возможности «империи без императора», о сохранении основных «достижений революции» в компромиссе с иной властью и в мире с Европой. Мечты Александра о том, чтобы вырвать из рук Наполеона «наиболее могущественное оружие, каким до сих пор пользовались французы», — знамя освобождения народов, получают новую и обильную пищу. Развитие событий ведет неминуемо к новой всеевропейской борьбе. <...>

